

Н.Н. Карпицкий

РАССЛОЕНИЕ МИРООПИСАНИЯ КАК РАССЛОЕНИЕ ТЕЛА

Сибирский государственный медицинский университет

Когда имеется в виду тело человека, то его биологическое истолкование ведет к утрате самого предмета. Для такого случая в науке используется другой термин – «организм». При этом человеческое содержание в понятии организма выхолощено, и из него никоим образом нельзя перейти к идее телесно воплощенной личности. Однако человеческое тело всегда есть тело личности, оно является ее составным моментом, моментом ее самосознания, субстанциально тождественным ей.

Тело является человеческим телом благодаря тому, что человек сознает себя в нем и через него. Критерием, отличающим тело от остального мира, является способность человека воздействовать ничем не опосредованным усилием собственной воли. То, что подвержено такому воздействию воли, – есть тело данного человека, на все же остальные вещи, которые не являются его телом, человек воздействует не напрямую, а опосредованно – через собственное тело.

В соответствии с таким пониманием можно определить тело как такое выражение воли вовне, которое открывается для других в определенной пространственно-временной оформленности.

Тело есть воплощение воли человека в инобытии (т.е. во внутреннем жизненном бытии других людей), в котором оно оформляется и становится чувственно воспринимаемым другими.

Иными словами, подлинный смысл тела раскрывается только в общении, в бытии-с-другим. Тело есть момент тождества воли человека с внутренним бытием Другого. Пространственно-временную форму тела человек воспринимает как границу области непосредственно подчиненного воле. Таким образом, воля является подлинной внутренней сущностью тела и, кроме того, тем, в чем сознает себя человек в качестве свободной личности. Соприкасаясь с телом Другого, я соприкасаюсь с самой личностью, а не ее отражением, ибо в его теле он сам в аспекте воли достигает самосознания в качестве воплощенного и явленного другим. Телесная явленность Другого для меня есть момент тождества его воли с моим жизненным бытием, благодаря чему я могу, с одной стороны, воспринимать тело Другого как телесно данный мне феномен (поскольку он тождествен моему бытию), а с другой – как именно Другого, т.е. как непосредственную явленность его личности (поскольку тело Другого как проявление его воли есть проявление именно Другого как такового и субстанциально тождественно с ним).

Телесность есть область реального соприкосновения и общения разных людей, где их внутренние жизненные миры реально соприкасаются и взаимооткрываются. Весь телесный мир есть область взаимодействия, а телесная смерть – неспособность участвовать в этом общении, неспособность быть выраженным телесно, некий слом воли, не позволяющий ей воплотить себя во внутреннем жизненном мире другого человека.

Поскольку под телом следует понимать момент тождества человека и мира, присутствие человека во внутреннем бытии других, то, следовательно, тело есть не биологический организм, а тот момент выражения человека, посредством которого он непосредственно открывается другим и общается с ними.

В социуме человек никогда не открывает своего тела таким же образом, каким открывает его для себя, когда остается наедине с собой. Тело для социума не может быть обнаженным, так как обнажение не только будет препятствовать человеку общаться, открывать себя, но, наоборот, создаст искусственный барьер для общения в силу нарушения моральных и эстетических канонов.

Тело как целое должно служить целостным символом, выражающим личность. Однако в социуме заместителем всего этого тела служит лицо, отчасти руки и общая фигура, скрытая одеждой. Отсюда становится ясно, что нужно различать первичное тело как целое, которое человек воспринимает, оставаясь наедине с собой, и тело для социума. Наш опыт принуждает считать, что тело для социума является другим по отношению к телу, которое воспринимает человек, когда он один.

Человек достигает первичного самовыражения лишь в целостном теле, но в социуме основная поверхность этого тела скрывается одеждой, являясь уже более не телом, но лишь внутренними органами этого нового состояния тела. Обнажение тела для социума, если отвлечься от социально-этических норм, должно восприниматься также как обнажение внутренних органов.

Иными словами, при переходе человека в пространство социума большая часть тела человека сворачивается, превращается во внутренние органы, обнажение которых разрушает восприятие тела и поэтому противоречит моральным и эстетическим требованиям.

Таким образом, целостное тело человека расслаивается на тело первичное, которое человек открывает

вайт только наедине с собой, и тело свернутое, в котором он присутствует в социуме. Поскольку тело по своей природе не может разъединиться, распаться на два тела, то расслоение тела на тело первичное и тело свернутое есть не реальное его расчленение, а расслоение самовосприятия тела, иначе говоря, расслоение его феноменальной явленности для собственного сознания. Это расслоение лежит в основе шизоидности личности (от греческого «шизо» – раскалываю), которая, оставаясь по своей природе внутренне единой и неделимой, начинает, тем не менее, проявляться в образе двух разных личностей. Такое шизоидное расслоение есть не онтологическое разъединение, а болезненное разъединение в восприятии, иллюзорное разъединение, которое не затрагивает онтологической основы и которое должно быть преодолено как болезнь.

Для того чтобы понять специфику свернутого тела, для которого скрытая одеждой его часть превращается во внутренние органы, необходимо преодолеть биологизаторское представление не только о теле, но и о внутренних органах, которое характерно для медиков и обывателей.

Если тело – это символ, выражающий личность, в котором человек присутствует сам, субстанциально, то обнажение внутренних органов – это разрушение целостного телесного символа, воплощение в теле внешней силы, препятствующей его выражению для другого. Иными словами, обнажение внутренних органов тела всегда есть телесная рана, выражающая силу разрушения этого тела. Внутренний орган открыт всегда через рану, являющуюся результатом оформления в теле разрушающей его силы. Иначе говоря, обнаженный внутренний орган выражает не внутреннюю сущность человека, но внешнюю силу, противодействующую человеку, препятствие для видения тела, а не само тело.

Именно поэтому рана мешает воспринимать человеческое тело, а обнажение свернутого тела, в котором человек живет в социуме, будет восприниматься именно как такая же телесная рана, вызывающая такое же неприязненное чувство, что и рана в медицинском смысле. Скрытие тела одеждой является необходимым условием его восприятия в социуме.

Если свернутое тело сводится только к лицу человека, то первичное тело все как целое, в котором человек воспринимает себя, является продолжением его собственного лица. Таким телом обладают маленькие дети, обнажение которых не разрушает восприятия их тела. Таким же первичным телом обладают и дикари, для которых является естественным ходить голыми.

Представим себе дородного бюрократа, ведущего прием людей. Если в этой ситуации он оказался бы обнаженным, то вызвал бы отвращение у всех своих посетителей. Первое, приходящее на ум, то, что отвращение вызывает некрасивость его тела, но

это предположение ложно. Тот же дикарь, который привык ходить голым, может иметь сколь угодно более некрасивое тело, но при этом не будет вызывать никакого отвращения.

Причина же отвращения в том, что данный бюрократ присутствует для своих посетителей в свернутом виде, обнажение которого будет восприниматься посетителями как рана, в то время как дикарь всегда присутствует для окружающих только в своем первичном теле, которое, независимо от того, красиво оно или нет, не может вызывать отвращения, так как является продолжением его лица и выражает его личность. Голое тело дикаря мы воспринимаем так же естественно, как и лицо современного обывателя, при этом мало волнует степень красоты того, что мы видим, в то время как видеть наших обывателей обнаженными – довольно серьезное испытание, которого большинство предпочло бы избежать.

Все тело ребенка также является продолжением его лица, так как он еще не вступил в пространство социума, но по мере своего взросления и социализации он вынужден все больше и больше скрывать одеждой свое тело, которое все больше и больше сворачивается, превращаясь во внутренние органы.

В пространстве социума предусматриваются сферы, где допустимо обнажать свернутое тело, например, на приеме у врача или в общей бане. Это становится возможным благодаря медиализации взгляда. Врач, в отличие от обычного человека, может равнодушно, без отвращения смотреть на обнажение внутренних органов. Он достигает этого путем их объективирования в виде отдельной вещи, такой же, как прочие неодушевленные вещи. В своем взгляде он редуцирует все эстетическое и символическое содержание тела.

Объективирование момента тела в виде отдельной вещи, такой же, как и прочие вещи, есть медиализация взгляда, благодаря которой любая телесная рана не вызывает более отвращения. Медиализация уподобляет любой момент тела всем прочим неодушевленным вещам, и именно благодаря ей люди в общей бане, даже раздеваясь, продолжают оставаться одетыми. Обнаженное тело представляется в виде иной по отношению к человеку вещи, которая начинает его скрывать, иначе говоря – «одевать». Поэтому люди в бане не могут чувствовать себя обнаженными, что доказывает: тело человека для социума обнажить невозможно. Раздеванием его можно либо «медиализировать», либо «поранить», но от этого оно обнаженным не становится.

Если в социуме первичное тело сворачивается, то в эротическом общении это свернутое тело снова раскрывается, но уже иначе, нежели то, как открыто первичное тело. Первичное тело и эротичное (т.е. заново раскрытое) представляют для нашего сознания совершенно разные феномены. Если свернутое тело не может быть обнажено, а первичное – может быть, а

может не быть обнажено, то эротичное тело обнажено всегда, даже когда скрыто одеждой. Эротичное тело не просто преодолевает свернутость состояния тела для социума, но и стремится открыть его все как целое для Другого. И если какую-либо его часть покрывает одежда, то это только усиливает эротичность тех обнаженных частей тела, через которые начинает просвечивать и то, что этой одеждой скрыто.

Первичное тело является воплощением воли человека вовне, открывающим его внутреннюю жизнь. Эротичное тело не просто выражает внутреннее бытие человека, но воплощает его онтологическую связь с Другим. И поскольку он стремится воплотить в себе эту связь наиболее полно, оно воплощает ее во всех своих частных моментах, не допуская свернутости или скрытости одеждой. Именно поэтому оно всегда обнажено независимо от того, одето или нет. Эротичность тела выражает онтологическую связь одного человека с другим и мотивирует стремление к телесному взаимообщению. В эротическом восприятии другого человека такое телесное взаимообщение всегда предвосхищается, и если другой не отвечает взаимностью и таким же эротичным видением, то это противоречие во взаимном восприятии друг друга порождает антиэрос, или эротическое отвращение.

Таким образом, антиэрос есть воплощение в теле отрицания реальной онтологической связи одного с другим. Антиэрос уже сам по себе предполагает наличие эроса. Именно поэтому нельзя воспринимать антиэротично первичное тело, поскольку в нем еще нет эротичности, в нем открыто присутствие другого, но еще не явлено единство одного с другим. Социальное свернутое тело может быть антиэротичным только в тех случаях, когда его свертывание мотивировало не только вступление в социальное пространство, но и новые дополнительные факторы – претензия на эротичность и негативная реакция на нее. Поэтому обнажение свернутого тела всегда неприятно, но не всегда антиэротично, так как здесь не всегда наличествует претензия на эротичность.

Социальные нравственные нормы защищают человека от антиэротичности, устанавливая пределы эротичных претензий. Нарушение этих пределов порождает гомофобию в самом широком смысле как неприязнь ко всем, чьи эротичные или сексуальные претензии несанкционированны социальными нормами.

Эти же социальные нормы, с другой стороны, допускают определенное пространство в социуме, где дозволяются эротичные претензии. В пределах этих норм человек стремится утвердить свое эротичное тело вместо свернутого тела для социума. Для этих целей женщины используют косметику и специфическую «обнажающую» одежду, которая не столько скрывает, сколько подчеркивает их тело.

Мироописание человека собирается вокруг первичного феномена, который является телом этого

человека. В соответствии с этим вокруг первичного, свернутого и раскрытого тел будут собираться разные мироописания, как некие параллельные миры, в которых живет человек одновременно. Подобно тому, как расслаивается тело человека, так же расслаивается и единый мир, в котором человек живет, на три разных мира, и не обращать на это внимание человеку позволяет лишь схожесть содержания и логики событий в каждом из миров.

Рождаясь, ребенок воспринимает лишь одно свое тело. Все окружающие вещи – пеленки, соски, погремушки – он начинает постигать как некое продолжение своего тела. Тело является центром, которое упорядочивает и определяет качественные характеристики всех переживаемых феноменов. Постепенно телесные ощущения объективируются в виде отдельных вещей, которые продолжают существовать в телоцентричном пространстве. Любые вещи человеку даны не сами по себе, но лишь в отношении к его телу. Их качества – величина, тяжесть, мягкость – определены свойствами тела. Тело соединяет все разнообразно постигаемые феномены в единую систему – мироописание, которое человеком воспринимается как подлинно реальный мир, в котором он живет.

Тело определяет не только телесно-гилетические свойства, но и все прочее: ощущение приятности или неприятности, красоты или отвратительности, брезгливости и т.д. Телесная рана другого человека становится неприятной именно благодаря проекции ее восприятия на собственное тело. И лишь благодаря медицинскому взгляду, выносящему ее за пределы тела и помещающую в научно понимаемый «организм», становится возможным преодоление этого отвращения.

Изменение тела влечет за собой изменение мироописания. Ребенок видит мир принципиально иначе, нежели человек во взрослом теле. Последний видит мир иначе, чем старик, обладающий одряхлевшим телом. При этом меняются все свойства мира – пространственность, объемность, масса, характер феноменов (приятность, отвратительность, раздражительность). Но даже не это главное, ведь меняется сам принцип упорядочиваемости феноменов. Мир ребенка принципиально по-другому структурирован, нежели мир взрослого. То, что случается в мире ребенка, порой невозможно в мире взрослого, и наоборот.

Соответственно с этим вокруг первичного тела, тела свернутого (тела для социума) и тела раскрытого (эротичного) собираются совершенно разные мироописания. Человек, обладающий этими телами, попеременно входит то в одно, то в другое мироописание.

Специфика сборки описания формирует не только мир отдельного человека, но и целостный культурный космос, в котором могут жить разные народы.

Античная культура не знала свернутого тела. Античный человек воспринимал тело другого как пер-

вичное (если речь не шла об эротичном восприятии). Поэтому он не мог видеть ничего противоестественного в наготe, в то время как нагое тело на Ближнем Востоке всегда означало ущербность, слабость человека, подчеркивало его несовершенство. Античный же человек видел в наготe символ целостной сущности человека, превращая ее в основную тему искусства.

Конечно, античный человек понимал, что тело может быть некрасивым, но даже при этом в самой природе тела не могло быть ничего отталкивающего, отвратительного. Некрасивость – это лишь недостаточно выраженное совершенство. И поскольку тело – это первый факт, удостоверяющий присутствие и открывающий человека другим, античный человек не мог искать в мире какое-либо другое обоснование тела, нежели то, что оно является воплощением самого же человека, которое философски могло обосновываться как воплощение его души, разума, эйдоса или сущности.

Поэтому и пространственность не может существовать как то, что в качестве внешнего принципа предзадает положение тела. Наоборот, сама пространственность образована от форм, воплощенных в космосе тел, и не существует без них. Весь античный космос построен на доверии телесным ощущениям. Так, античный геоцентризм удостоверяется внутрителесным ощущением неоднородности пространства, имеющего верх и низ. Чтобы перейти к гелиоцентризму, необходимо было дискредитировать соматическое познание, т.е. знание, схватываемое на уровне телесного ощущения.

Такая дискредитация произошла в Новое время, и связана она была со сворачиванием тела, подменной первичного тела «телом в социуме», т.е. – со свернутым телом. Тело скрывалось одеждой не только для того, чтобы скрыть некрасивость или согреться, но и для того, чтобы скрыть то, что уже перестало быть телом и превратилось в его внутренние органы, обнажение которых стало столь же болезненным, как и ранение в медицинском смысле.

Подмена первичного тела телом свернутым не могла разрушить весь космос, сформировавшийся в Античности и просуществовавший все Средневековье. Свернутое тело сворачивает вокруг себя также и пространство, т.е. создает некую зону неприкосновенности вокруг себя, куда другой не допускается. У разных людей это окружающее их пространство может быть разным, но оно обязательно присутствует. Пространственная локализация человека мыслится не как определяющая пространство форма его тела, но как локализация этой непроницаемой вокруг него зоны. Причем если пространственность античная, не существуя сама по себе, являлась формой тела, то она служила выражением сущности этого тела, несла в себе глубокое символическое содержание; эта пространственность, окружающая свернутое тело, бессодержательна сама по себе и абстрагирована от конкретного бытия тела.

Новоевропейский человек начинает жить в такой абсолютной, бессодержательной пространственности, которая, с одной стороны, задает положение тел, а с другой – абстрагирована от них, безразлична и безотнositельна по отношению к телесному бытию. Весь мир помещается в эту абсолютную мертвую пространственность. Ни о каком доверии внутрителесным ощущениям более не может идти речи. В результате этого исчезает «верх» и «низ», уже не яблоко падает на Ньютона, но они совместно притягиваются друг к другу по закону всемирного тяготения, а Земля начинает вращаться вокруг Солнца. Дальнейший путь развития европейской цивилизации был обусловлен подменой первичного тела телом свернутым.

Эротическое восприятие тела всегда носит интимно-личностный характер и поэтому не может являться общекультурной предпосылкой, но и при этом оно внутри каждой культуры определяет течение, выражающее особое мироощущение, отличное от общепринятой позиции. Это мироощущение нашло свое отражение в мистических традициях, присутствующих во всех культурах.

Эротическое тело, открываясь принципиально иначе, чем первичное, создает и собственную пространственность, в которой начинает раскрываться и обнажаться. Сущность эротического тела целиком сводится к выражению внутреннего бытия человека вовне, поэтому телесная пространственность целиком подчиняется этой задаче, образуя внутри извне предзаданного пространства глубину, переходя на которую человек перестает замечать внешний незротично данный мир. Если пространство первичного тела открывается как форма этого тела, пространство свернутого тела дано как нечто извне задающее положение тела, то пространство эротического тела берет свое начало в том, что являет собой тело, т.е. во внутреннем жизненном бытии Другого. Истекая изнутри этого жизненного бытия, эротическая пространственность заставляет и внешнюю форму тела воспринимать иначе, чем ту, что дана эмпирически, очищая ее от всего случайного, неестественного, некрасивого и оставляя лишь то, что служит непосредственным явлением внутреннего.

Иными словами, эротическое пространство соединяет в себе пространственность «мнимую» (т.е. геометрически сводящуюся в нашем мире к нулю запредельную по отношению к нему пространственность) с пространственностью чувственно постигаемых вещей. Пространство эротического тела становится «обращенным», оно расширяется по мере приближения к телу, открывая в себе внутреннее бытие, символизируемое этим телом. Обычное пространство при этом теряет свою самостоятельность, и вместе с ним теряют свое значение все незротичное содержание мира.

Если обычное пространство центрируется вокруг собственного тела, то эротическое пространство центрируется вокруг эротически постигаемого тела Дру-

гого и становится неоднородным, меняя свои свойства по мере приближения к нему. Эротическое пространство структурировано в виде ряда концентрических кругов вокруг эротического центра. Если обычное пространство предполагает, что каждый круг, вписанный внутрь предыдущего круга, меньше его, то в эротическом пространстве все наоборот. Удаленный от центра концентрический круг становится меньше, так как утрачивает всю свою содержательность. Чем ближе к эротическому центру, тем пространство начинает восприниматься более ярко, более насыщенно. Оно как бы разворачивается по мере постижения эротического тела, пока не достигнет той точки, когда перейдет во мнимое пространство, т.е. пока человек не видит весь окружающий мир глазами Другого. Сведение эротического пространства к центру оказывается наиболее полным его раскрытием. В центре эротического пространства обращенным образом оказывается пространственность всего остального мира.

Эротическое тело выстраивает такое мироописание, в котором становится осуществима цель всякой мистической традиции. Мистическая традиция направлена на преодоление пространственного ограничения восприятия и постижение внутреннего за внешним, причем при таком постижении, при котором это внутренне преодолевается. Однако именно это и осуществляется в эротическом пространстве. Таким образом, можно видеть, что в основе мистики лежат эротические интуиции.

Мир современного человека расслоился на разные описания. Это расслоение обусловлено расслоением его собственного восприятия тела. Его свернутое тело не может быть основой целостного восприятия (какой основой было первичное тело для античного человека), ибо оно, будучи выхолощенным и утратившим полноту своей содержательности, противоречит первичному восприятию человеком себя. Поэтому современный человек не может выстроить и целостный космос. Он живет в гипотетических космосах, которые допускает по обстоятельствам и начинает всеми силами в них верить, пока не изменятся обстоятельства.

Весь мир есть определенный компромисс, конвенция между субъектами, каждый из которых стремится создать свою непроницаемую и ничего не выражающую пространственность. Абсолютное пространство, так же как и абсолютная мораль, для такого человека лишь средство этого компромисса. Любая научная теория, идеологическое убеждение или политическая позиция – лишь формы взаимного соглашения, благодаря которому достигается это взаимное равновесие. Однако человек, когда остается один, оказывается неудовлетворенным всем этим: ни идеологиями, ни политиками, ни существующими мировоззрениями, разрываясь между интуитивно постигаемым и конвенционально принимаемым. Этим определен основной путь современного человека – постоянная борьба с теми барьерами, которые он сам выстраивает для себя.